
ПОЛ АНДЕРСОН
СРЕДИ ВАРВАРОВ

Среди варваров [Предательство]

Пол Уильям Андерсон

Аннотация

Пол Андерсон. Среди варваров [Предательство]

Аннотация

По сведениям земной разведки, Королевство Двух Планет — Норстад-Остарик — всегда воевавшее с Колрешем, вот-вот заключит союз со своим злейшим врагом, чтобы обрушить объединенную военную мощь на Земную Федерацию, традиционно дружественную Норстаду.

Баланс сил, неизменный в течение столетий, станет иным. Вопрос лишь в том, каким?

Пол Андерсон
Среди варваров [Предательство]

Его превосходительство Мкатзе Ундума, посол Земной Федерации в Королевстве Двух Планет, ждать не привык. Но по мере того как минуты складывались в час, досада его испарилась, уступив место здравым размышлениям.

В этой угрюмой стране любая отсрочка, даже ненамеренная, воспринималась как проявление невоспитанности. А если человека его положения держали в приемной шестьдесят минут, это и вовсе выглядело оскорблением. Руш, конечно, был варваром, но даже он не посмел бы открыто унижать представителя Земли без веской на то причины.

Похоже, добытые Службой разведки Земли сведения действительно находят подтверждение. Так, что там было? Во-первых, подвыпивший молодой офицер, роняя слезы в бокал, рассказывал о том, что старушка Земля и ее цивилизация скоро подвергнутся нападению и лагерь, в котором он когда-то учился, будет уничтожен его же собственными подчиненными. Во-вторых, из Королевской военной академии поступили секретные планы военных приготовлений, за что поплатились жизнью шестеро человек. И вот теперь в дополнение ко всему — унижение самого посла.

Похоже, маркграф Дракенштейнский и правда, предал цивилизацию.

Ундума невольно вздрогнул под радужным плащом, его костюм был расшит галунами, а на голове красовался украшенный страусовым пером головной убор, положенный чиновнику его ранга. Посол окинул приемную взглядом затравленного зверя.

Он находился сейчас в старинном замке, построенном восемьсот лет назад, еще при освоении Норстада. Суровые массивные прямоугольные башни замка почти совсем не изменились с тех пор. Буфеты, диваны, драпировки, сделанные на заказ мозаики и биопанели лишь дисгармонировали с крепостными стенами и по-старинному гулкими плитами пола; флюоресцирующие экраны освещали далеко не все углы замка, и во многих из них царил полумрак, среди которого кое-где виднелись на балках старые боевые знамена.

В приемной находилось двенадцать телохранителей — все в панцирях и с перьями на шлемах, но вооруженные самыми современными лучевыми ружьями. Телохранители были удивительно похожими друг на друга — одинаковые блондины семи футов ростом. Ни один из них сейчас не

шевелился и, казалось, даже не дышал — этакое олицетворение невозмутимых цивилизованных людей.

Ундума обрезал кончик сигары и выругался про себя. Он жалел, что не захватил какую-нибудь книгу.

Наконец внутренняя дверь бесшумно распахнулась, и в приемной появился бритоголовый офицер. Щелкнув каблуками, он поклонился Ундуме:

— Его светлость будет рад принять вас, ваше превосходительство.

Посол постарался подавить досаду, кивнул и поднялся с места. Ундума был высоким и стройным мужчиной с относительно светлой кожей и характерными для народности банту чертами лица. Послы Земли отбирались с учетом идеалов местной красоты, а это условие непросто было соблюсти во многих малочисленных культурах Галактики. Население Норстада-Остарика отличалось чертами малой кавказской расы, которая почти полностью эмигрировала в Королевство Двух Планет с родной Земли.

Адъютант проводил посла до двери и ретировался. Ганс фон Тома Руш, маркграф Дракенштейнский, предводитель народа, потомствен-

ный хранитель Ворот Белой реки и прочая, и прочая, сидел за столом в конце огромного зала, пол которого был сделан из черно-красной плитки. В руке у него была книга, и он закрыл ее лишь тогда, когда Ундума, шурша сандалиями по клетчатому полу, подошел вплотную. Затем маркграф встал и с насмешкой на лице поклонился.

— Приветствую вас, ваше превосходительство, — сказал он. — Прошу простить меня за задержку. Садитесь, пожалуйста.

Столь краткие извинения звучали, по крайней мере, дерзко, и оба собеседника прекрасно понимали это.

Ундума опустился в кресло напротив, решив не показывать своего раздражения, ведь он здесь ради великой цели. Посол сжал зубы и ровным голосом произнес:

— Спасибо, ваша светлость. Надеюсь, что вы сможете детально обсудить со мной все важные вопросы. Я явился к вам по весьма серьезному поводу.

Руш изогнул правую бровь, рискуя уронить старомодный монокль. Маркграф был крупный, крепко сбитый мужчина с ежиком коротко подстриженных волос соломенного цвета, удлиненным черепом и шрамом на левой щеке. На

нем была армейская униформа: серая туника с высоким воротником, бриджи старого фасона и блестящие сапоги по моде этой планеты. Его костюм украшали генеральские знаки отличия: трезубец и солнце; на портупее висело холодное оружие с отполированной от частого употребления рукоятью.

«Да уж, типичный варвар с железными мозгами собственной персоной», — подумал Ундума.

— Что же, ваше превосходительство, — вполголоса пробормотал Руш, хотя неблагозвучный норронский язык плохо подходил для тихой беседы. — Конечно, я с удовольствием вас выслушаю. Однако я не облечен властью и пользуюсь лишь правами неофициального советника, так что…

— Прошу вас, — остановил его Ундума, подняв руку. — В вашем распоряжении находится все вооружение, а ведь норр-самураи по-прежнему остаются самым влиятельным классом в Королевстве Двух Планет. Вдобавок вам непосредственно подчиняется весь генералитет. К тому же вас уважают в королевской семье. Я уверен, что могу говорить прямо с вами.

Руш не улыбнулся, но не посмел отрицать того, что было и так всем известно: он действительно являлся лидером партии воинственной аристо-

кратии, другом вдовствующей королевы-регентши и фактическим отчимом ее восьмилетнего сына, короля Хьялмара, — другими словами, этот человек был типичным диктатором. И, если он предпочитал сохранять негромкий титул и публично не афишировать свою власть, разве это что-то меняло?

— Я с удовольствием передам по инстанции все, что вы мне скажете, — неторопливо ответил Руш и добавил: — Трубку.

Последний приказ был обращен к его креслу, из которого моментально появилась зажженная вересковая трубка.

Ундума просто диву давался. Эти следующие одно за другим нарушения протокола просто обескураживали его. До сих пор, на протяжении всей трехсотлетней истории отношений между Землей и Королевством Двух Планет, с послом Земной Федерации здесь всегда обращались как с равным Богу или, по крайней мере, как с членом королевской фамилии.

Ни на одной из заселенных людьми планет независимо от того, как давно она отделилась от метрополии и как бы причудливо потом ни развивалась, никогда не забывали, что означала Земля — это родной дом человечества и колыбель

цивилизации. Ни на одной из заселенных людьми планет… Неужели Норстад-Остарик пошли по пути Колреша?

«С биологической точки зрения это невозможно, — решил Ундума, внутренне содрогнувшись. — Да и с точки зрения эволюции культуры — тоже, во всяком случае пока». Однако все говорило о том, что Руш затеял какую-то политическую игру.

— Так я слушаю вас, — напомнил маркграф.

Ундума откашлялся и в отчаянии подался вперед.

— Ваша светлость, — сказал он, — за время своей миссии я не мог не обратить внимание на ряд публичных заявлений вашего правительства, равно как и на явные военные приготовления и прочие признаки…

— Вы забыли упомянуть о выкраденных вашими шпионами бумагах, — перебил посла Руш.

— Но милорд! — возразил Ундума.

— Мой дорогой господин посол, — усмехнулся Руш, — это ведь вы настаивали на откровенном разговоре. Мне известно, что у нас работают шпионы с Земли. Что ни говорите, а мобилизацию двух планет невозможно провести незаметно.

Ундума почувствовал, как по его телу застру-

ился пот.

— Но… вы… ваше правительство заявляло… что эти меры вызваны необходимостью укрепления обороны, — заикался посол. — Я рассчитывал… во всяком случае, до последнего момента надеялся… что ваш народ одобрит направленный против Колреша союз Земли и Королевства Двух Планет.

Маркграф молчал. «До чего же тихо», — подумал Ундума. Но тут на щеках Руша появился румянец, шрам его покраснел, а глаза стали холодными, как никогда.

Затем маркграф медленно произнес сквозь зубы:

— Позвольте напомнить вашему превосходительству, что вот уже не одно столетие наш народ ждет, когда же Земля наконец поможет ему.

— В смысле?

Ундума так растерялся, что начисто позабыл про этикет. Но Руш не обратил на это внимания. Он поднялся с места и подошел к окну.

— Идите сюда, — сказал он. — Я хочу вам кое-что показать.

Из современного пластикового окна пользовавшейся дурной репутацией Чародейной башни открывался унылый вид. Небо вдали было темным, солнце давно село, и в северном Норстаде

господствовала сорокачасовая морозная ночь, уже близившаяся к полуночи.

В черной пустоте ярко сверкали звезды, отражавшиеся в ледяных кристаллах. Остарик, планета-двойник, висела на юге низко над горизонтом. Этот серо-голубой спутник никогда не заходил на норстадском небосклоне, и обе планеты всегда смотрелись друг в друга: продуваемые ветрами пики одной из них вечно отражались в спокойных и теплых океанах другой. На севере почти половину горизонта занимали всполохи северного сияния.

С высоты крепости Ундума мог видеть лишь небольшую часть города Дракенштейна: несколько остроконечных крыш, небольших светящихся окошек да пару-другую фонарей на промерзших пустынных улицах. Да и смотреть тут особо было не на что: на обеих планетах не имелось крупных городов, одни лишь небольшие городишки, выросшие из деревень, окружавших поместья лордов. Вокруг раскинулись застывшие поля, поднимавшиеся вверх по долинам к зеленоватым ледникам. Видимо, там дул сильный ветер, и посол заметил, как над голубыми ледяными пустынями проносились призрачные снежные вихри.

Руш с горечью произнес:

— Не слишком-то приветлива наша планета, не так ли? Находится на краю света, в тысяче световых лет от вашей драгоценной Земли, да еще во власти ледникового периода. А вы не задумывались, почему мы не создали сеть станций для управления климатом?

— Ну, я думаю, необходимость… — начал Ундума.

— Постоянно вести войны. — Руш вскинул руку, будто желая смахнуть с небес ненужные созвездия. Там, среди прочих, всего в тридцати парсеках ярко горело огромное созвездие Полариса. — У нас просто не было возможности заняться благоустройством своей планеты. Всякий раз, как только мы собирались что-нибудь предпринять, обязательно начиналась война, обычно с Колрешем, и она съедала все людские и материальные ресурсы. Однажды, примерно двести лет назад, мы все же установили несколько станций, и наш климат даже стал постепенно теплеть. Но Колреш уничтожил их. Норстад был освоен восемьсот лет тому назад. И семьсот из них Колреш буквально держит нас за горло. И вы еще удивляетесь, что мы устали терпеть это.

— Милорд… я выражаю вам свое сочувствие, —

неловко вставил Ундума. — Мне известна героическая история вашей планеты. Но я бы хотел напомнить… ведь Земле тоже приходилось бороться… с Колрешем.

— На расстоянии в тысячу световых лет! — усмехнулся Руш. — Об этой войне все уже давно забыли. Несколько захудалых патрулей на ржавых судах, оборонявшиеся от случайных рейдов колрешитов. А мы-то граничим с ними!

— Разумеется, ваша светлость, никто не отрицает, что Колреш всегда был вашим врагом, — заметил Ундума. — Как и врагом всех цивилизованных homo sapiens. Меня беспокоит другое. Честно говоря, мне бы очень не хотелось верить в слухи об одном… э-э… союзе…

— А почему это вас удивляет? — взревел Руш. — Вот уже семь веков мы сдерживаем колрешитов, а ваша драгоценная цивилизация жиреет тем временем за спинами наших погибающих бойцов. Искушение хотя бы частично восполнить потери, помогая Колрешу захватить Землю, смею вас заверить, весьма велико!

— Но вы не можете так поступить! — Ундума почти задыхался от возмущения.

Однако лицо его собеседника казалось каменным.

— Не делайте поспешных выводов, — сказал он. — Я лишь утверждаю, что нам может быть выгодна подобная политическая линия. А что, если Земля тоже изменит свою позицию в отношении нас — вы меня понимаете? Во всяком случае в обозримом будущем пока еще ничего не случится. У вас есть время подумать.

— Мне необходимо… проконсультироваться с моим правительством, — выдохнул Ундума.

— Конечно, — ответил Руш.

Гулко стуча каблуками по полу, он вернулся к письменному столу.

— У меня тут для вас приготовлен меморандум, — сказал он. — Своего рода неофициальный протокол, в котором перечислены пункты, на основе которых правительство Ее Величества намерено впредь строить свои отношения с Земной Федерацией. Вот он! — Маркграф взялся за пухлую папку. — Я предлагаю вам, ваше превосходительство, незамедлительно отправиться на родину и показать это вашему руководству…

— Ультиматум, — произнес Ундума.

Руш пожал плечами.

— Называйте это как вам угодно.

Его голос звучал равнодушно и отстраненно, как будто маркграф уже решил бесповоротно

порвать отношения своего народа с цивилизованным миром.

Ундума взял папку. Он обратил внимание на лежавшую на столе книгу — ту, которую Руш читал перед тем, как его принять. Это оказалось местное издание Шекспира — плохо напечатанное на тонкой бумаге, но зато в оригинале на староанглийском языке. Странно, что диктатора варварской планеты привлекало подобное чтение. Но, так или иначе, Руш — личность неоднозначная: историк-схоластик, увлеченный гребец-байдарочник, игрок в метеорное поло, чемпион по шахматам, альпинист и… просто негодяй!

Норстад вот уже десять тысяч лет был скован оледенением, а на Остарике плескались теплые синие океаны, волны которых ласкали прибрежные пески островов. Однако на Остарике распространился вирус смертельно опасной чумы, и этот рай долгие годы оставался недоступным, пока двести пятьдесят лет назад на планете не высадилась команда исследователей с Земли. Ученые нашли эффективную вакцину, и в горы планеты стали переселяться норроны.

Именно такими средствами — действенной помощью, личным примером, пропагандой идей

свободы, демонстрацией процветания и счастья своих обитателей земляне распространяли свое влияние среди колоний, до этого изолированных на протяжении столетий. В результате все проникались уважением к матушке-Земле, называя ее мудрой и доброй, и один только Колреш давно уже порвал связи с цивилизованным человечеством.

На своем личном спидстере Руш покинул обросшие сосульками крепостные стены Дракенштейна и после часовой гонки сквозь вакуум высадился в цветущих садах Зоргенлоса.[1] Однако прошло еще несколько часов, прежде чем им с королевой удалось избавиться от придворных и остаться наедине.

Под пение птиц они прогуливались среди геометрически правильных цветочных клумб и тенистых деревьев. Медные шпили небольшого дворца тянулись к вечернему небу, в котором пылала золотом, отражаясь в морях, долгая вечерняя заря Остарика. Остров превратился в тихую королевскую резиденцию, а ведь еще совсем недавно здесь кипели страсти.

Королева Ингра склонилась над «тигровой» ро-

---

[1] Примечания: 1

Зоргенлос — в пер. с нем. значит «беззаботный». (Прим. перев.)

зой-мутанткой и принялась обрывать лепестки.

— Но мне нравится Ундума. И я не хочу, чтобы он возненавидел нас, — сказала она чуть не плача.

— Он неплохой человек, это верно, — согласился Руш. Он стоял рядом в черной униформе с серебристой вышивкой, чем-то внешне напоминая смерть, какой ее обычно изображают.

— Ундума не просто неплохой, Ганс. Он порядочный человек. Норстад заморозил наши души, а Остарику так и не удалось их растопить. Я думала, что Земля…

Королева осеклась. Она была стройная, темноволосая и еще молодая, ее предки пришли сюда из влажных долин на экваторе Норстада. В отличие от горняков, рыбаков и сильно смахивавших на рыжих обезьян охотников, из которых происходил Руш, ее народ занимался земледелием и был мягче по характеру. Даже норронский язык в ее устах звучал мелодично, тогда как соплеменники маркграфа говорили резко и отрывисто.

— Так что Земля? — спросил Руш, обратив взгляд на запад. — Осыплет нас дарами? Но мы всегда платили за них.

— Да какие там дары, — устало ответила Ингра. — Но ведь мы могли бы торговать с Землей

— мехами, полезными ископаемыми, да мало ли чем. Лишь бы не пришлось девяносто процентов доходов тратить на оборону. А еще я также думала, что земляне могли бы научить нас быть более человечными.

— Я, например, никогда и не сомневался, что мы до сих пор можем считать себя представителями Homo sapiens, — сухо ответил Руш.

— О, ты же знаешь, что я имела в виду! — Королева резко повернулась к нему и сверкнула фиалковыми глазами. — Иногда я сомневаюсь, что ты человек, маркграф Ганс фон Тома Руш. Я говорю о свободе, о том, что люди не могут быть похожими на роботов, они должны растить свободных детей и не бояться, что колрешиты опять взорвут их корабль и легкие его пассажиров вывернутся наружу. В чем суть нашей культуры, Ганс? Есть слой рабочих ферм и заводов — по сути, это рабы! И верхушка общества, состоящая из расхаживающих на каблуках аристократов, думающих только о войне. Немного народных промыслов, музыки, сказок, в которых все сюжеты, заметь, крутятся вокруг кровопролития и предательства. А где наши симфонии, романы, архитектурные памятники, исследовательские лаборатории?.. Где люди, способные открыто

заявлять о своих желаниях и поступать в соответствии с собственной волей, чтобы жить счастливо?

Руш ответил не сразу. Он рассматривал королеву немигающим взглядом через свой монокль. Затем отвел глаза, сложил руки и сказал лишь:

— Вы преувеличиваете.

— Может быть. И все-таки в целом я права. — В голосе Ингры слышалось негодование. — Именно такими нас и считают на других планетах.

— Если даже с завтрашнего дня объявить полную демократию, вам все равно не удастся декретом отменить восемьсот лет нашей истории, — заметил Руш.

— Это правда. Но ведь капля камень точит. Я думаю, что твоя ошибка, Ганс, состоит в том, что ты с презрением относишься к простым людям… Скажи, когда им давали шанс в нашем королевстве? Надо же когда-нибудь начинать перемены, и Земля могла бы оказать нам психологическую поддержку, и тогда через два-три поколения…

— А как вы думаете, что будет делать Колреш, пока мы станем проводить реформы управления? — со смехом спросил Руш.

— Опять Колреш! — Королева дернула плечиками под огненно-красным плащом. — Колреш

уже превратил добрую сотню цветущих городов в радиоактивные кратеры и усеял наши поля костями детей. Колрешиты убили моего мужа и многих королей до него. Они, между прочим, испепелили и твою семью, Ганс, и оставили шрамы не только на твоем лице, но и в душе… — Она резко повернулась к Рушу и почти закричала: — И после всего этого ты хочешь заключить союз с колрешитами?

Маркграф достал трубку и принялся ее набивать. Шафрановые лучи заходящего солнца, отраженные от поверхности океана, придавали его лицу металлический оттенок.

— Колреш не так уж плох, — сказал он. — Вот уже десять лет, как мы живем с ним в мире. Это почти рекорд.

— Но разве мы не можем найти настоящих союзников? Я устала быть марионеткой! Я согласна заключить пакт с Ахурамаздой, Новым Марсом, Лагранжем… Мы могли бы организовать крестовый поход против Колреша и искоренить этих мерзавцев из Вселенной!

— И вы еще называете меня солдафоном? — усмехнулся Руш.

Он раскурил трубку и неторопливо направился в сторону пляжа. Королева некоторое время с

досадой смотрела вслед Рушу, затем вздохнула и двинулась за ним.

— Неужели вы думаете, что подобных попыток не предпринималось в прошлом? — спокойно спросил маркграф. — Не одно поколение наших предков старалось найти временных союзников в борьбе против Колреша. Но все эти недолговечные союзы вскоре распадались. Во Вселенной нас недолюбливают. Да и никто уж настолько сильно не ненавидит Колреш — ведь это мы всегда страдали от него в первую очередь.

Руш подошел к стоявшей на берегу скамье, сел и всмотрелся в полосу прибоя, в ярких лучах заката напоминавшую кипящее золото. На западе сверкали в солнечном свете легкие облака. Ингра присела рядом.

— Трудно упрекать других за то, что нас не любят, — тихо сказала она. — Мы слишком прямолинейны и некультурны, грубы, бестактны, недемократичны, черствы… увы, это правда. Но не может быть, чтобы никто не был заинтересован в уничтожении Колреша…

— Жители других планет не допускают, что с ними может что-то случиться, — с презрением возразил Руш. — И среди них даже находятся сторонники колрешитов. — Он слегка возвысил

голос и передразнил своих мнимых союзников: — «О, дорогой маркграф, да о чем вы говорите? Что вы, что вы, Колреш никогда не нападет на нас! Исключено! Мы подписали договор!»

Ингра тяжело вздохнула. Руш обнял ее за плечи. Так они и сидели какое-то время, храня молчание.

— Кроме того, — наконец нарушил тишину маркграф. — Колреш слишком силен, чтобы ему можно было противопоставить хоть какой-то альянс в нашей части Галактики. Только мы и Колреш обладаем здесь достойным упоминания военным потенциалом. Даже Земля в случае чего с трудом могла бы справиться с колрешитами, и она, само собой, пошла бы на попятную, предложи мы ей полномасштабную войну. Земле есть что терять. Ей выгоднее считать колрешитские рейды пиратскими вылазками и отвечать на них полицейскими акциями. На создание боеспособных армии и флота нужны огромные средства, и Земля просто не согласится платить столь высокую цену ради того, чтобы смести Колреш и оккупировать его планеты.

— Значит, опять не избежать войны. — Ингра устремила печальный взгляд на море.

— Ну, дело обстоит не совсем так, — возразил

Руш. — На этот раз нам нужна другая война, чтобы, по крайней мере, черные корабли колрешитов больше не появлялись в нашем небе.

Он попыхтел трубкой, будто набираясь смелости, а затем заговорил быстро и решительно:

— Послушайте. Мы, норроны, не обладаем сильным флотом. Так уж сложилось исторически. Наш флот всегда был слаб и таким и останется. Но зато мы воспитываем самых выносливых солдат в Галактике, и наша армия многочисленна. Мы превращаем своих людей в настоящих военных роботов и оснащаем их самым смертоносным оружием. Колрешиты, разумеется, являют нам полную противоположность. Это — космические странники, их численность невелика, но зато колрешиты способны разрушить все, что попадает под огонь их пушек, хотя они и не могут удержать завоеванное и противостоять нам. Вот уже семь веков наши войны напоминают битву слона с китом. Ни один из противников не одолел другого, хотя война стала привычной, а мир превратился в короткие передышки. И до тех пор, пока жив хоть один колрешит, войны будут продолжаться. Вот так-то. Мы не можем истребить их, как и не можем подружиться с ними. Единственное, что мы в состоянии делать, — это

защищаться до последней капли крови.

Над берегом прошумел ветерок. По бронзовому небу летела стайка черных морских птиц.

— Я понимаю, — сказала Ингра. — Я знаю историю и вижу, куда ты клонишь. Колреш обеспечит транспорт и флотское сопровождение, а Норстад-Остарик дадут живую силу. Вместе мы сможем захватить Землю.

— Так оно и будет, — без обиняков заявил Руш. — Земля разбогатела и разленилась. За несколько месяцев она не успеет перевооружиться, чтобы изменить соотношение сил в свою пользу.

— И вся Галактика станет проклинать нас после этого.

— Если Земля падет, то вся Галактика будет у наших ног.

— И как долго, по-твоему, нам удастся сдерживать аппетиты колрешитского тигра?

— Я не питаю на этот счет никаких иллюзий, дорогая королева. Но я просто не вижу, как можно иначе развязать этот вечный узел противоречий. В эпоху безвременья, которая неизбежно последует за падением Земли, мы вполне успеем построить флот, равный колрешитскому. Раньше они не давали нам возможности сделать это, зато

теперь…

— Не знаю, не знаю! Я лично сомневаюсь, что пять лет назад корабль моего мужа действительно погиб от метеорита. Я подозреваю, что колрешиты прознали о планах короля, о космодроме, который он мечтал построить, и убили его.

— Это вполне вероятно, — согласился Руш.

— И после этого ты хочешь вступить с ними в союз? — Ингра повернула к собеседнику бледное лицо. — Я пока еще королева. И я запрещаю тебе даже упоминать об этом… грязном альянсе!

Маркграф вздохнул.

— Я боялся этого, ваше величество. — Лицо его стало серым и усталым. — Разумеется, вы пользуетесь правом вето. Но я очень сомневаюсь, что правительство подтвердит ваше регентство, если оно вступит в противоречие с интересами…

Королева резко вскочила.

— Ты не посмеешь!

— О, вам не причинят зла, — продолжил Руш с кривой усмешкой. — И вы даже не лишитесь трона. Вас просто придется взять под охрану. Надеюсь, вы меня понимаете? Конечно, ваше величество, ваш сын будет учиться где-нибудь в другом месте, но при желании вы…

Королева ударила его по лицу. Маркграф не пошевелился.

— Я… не стану налагать вето… — сказала Ингра, тряхнув головой, и выпрямила спину. — Ваш корабль доставит вас домой, милорд. И я не думаю, что впредь мы будем нуждаться в вашем присутствии.

— Как скажете, ваше величество, — пробубнил в ответ диктатор Королевства Двух Планет.

Хотя Ундума вернулся на родину с горьким чувством, он был рад оказаться дома. До чего же здесь хорошо! Он сидел на террасе под бархатными небесами Земли и смотрел на блестевшую напротив Замбези. Вдали, насколько хватало взгляда, высились стройные башни Кэпитал-Сити, каждая в окружении тенистой зелени. Люди на чистых и тихих улицах были одеты в просторные рубашки и цветастые килты — мужчины здесь не носили брюк, а женщины ходили в юбках по щиколотку. Все это вытеснило из головы посла воспоминания о хмурых жителях Норстада. Было так приятно вести интеллектуальную беседу на мягком земном языке под звуки доносившейся из окна приятной музыки и под смех детей, игравших на веранде и в парках. Все вокруг дышало свободой, справедливостью и достатком.

Ундума терзался мыслью о том, что все эти прелести жизни могут в одночасье исчезнуть, если сюда явятся роботы с Норстада и бездушные чудовища с Колреша.

Он поднял бокал и с привычной элегантностью откинулся в кресле.

— Нет, сэр, они не блефуют, — сказал посол.

Нгу Чилонго, председатель парламента Федерации, моргнул. Это был невысокий человек, седовласый и мудрый, но то, что ему довелось только что услышать, просто выходило за всякие рамки и требовало осмысления.

— Конечно… — начал он. — Конечно… этот Руш не сумасшедший. Но неужели он верит, что две его планеты с населением от силы в миллиард человек смогут одержать верх над четырьмя миллиардами землян!

— Им будут помогать несколько миллионов колрешитов, — напомнил Ундума. — Во всяком случае, они полностью возьмут на себя операции на море, а их флот значительно сильнее нашего. Войска норронов высадятся на Земле и будут вести военные действия в воздухе и на суше. И кстати, из этого своего миллиарда Руш может бросить в бой примерно сто миллионов солдат.

Чилонго выронил свой бокал.

— Не может быть?!

— Однако это правда, сэр. — Это вступил в разговор третий из присутствовавших, Мустафа Лефарж, министр обороны. Его голос звучал обреченно. — Каждый гражданин Королевства Двух Планет, будь то мужчина или женщина, обязан пройти специальную подготовку, чтобы во время войны даже те, кто не входит в состав регулярной армии, могли внести свой посильный вклад в борьбу. Гражданская экономика там фактически прекратила существование. За долгие годы жители Королевства Двух Планет смирились с отсутствием элементарных удобств и привыкли удовлетворять лишь минимум потребностей. — И министр добавил с сарказмом: — А под самым необходимым там понимают лишь пищу и боеприпасы, а вовсе не развлечения и культурные потребности, как это принято у нас.

— Но сто миллионов, — прошептал Чилонго и взглянул на свои руки. — Это же в десять раз больше численности всех наших вооруженных сил!

— И следует добавить, что наши войска плохо обучены, недостаточно оснащены и не пользуются особым уважением общественности, — с горечью добавил Лефарж.

— Короче, сэр, — подытожил Ундума, — если

по отдельности мы еще и могли бы одолеть как Колреш, так и Норстад-Остарик, то, объединившись, они запросто победят нас.

Чилонго вздрогнул. Ундуме вдруг стало жаль этого человека. Такого рода информацию можно усваивать лишь небольшими дозами. Подумать только, ведь цивилизация распространилась с Земли. И вот уже в глубинах человеческих душ зреют адские замыслы. И никакие законы природы не в состоянии защитить добро от происков зла.

— Но они не посмеют! — воскликнул председатель парламента. — У нас есть друзья повсюду…

— Правительства всех наших колоний в Галактике картинно заломят руки и выступят с нотами протеста, — сказал Лефарж. — А потом они трусливо спрячут головы под одеяла и будут успокаивать себя тем, что агрессоры наконец-то насытились.

— А эта нота, которую нам вручил Руш. — Чилонго лихорадочно соображал, как можно спасти планету, и на его коричневом морщинистом лбу выступили капельки пота. — Нельзя ли все-таки заключить какое-либо соглашение?

— Их условия выполнить невозможно, вы же сами читали и прекрасно все знаете, — прямо от-

ветил Ундума. — Руш хочет, чтобы мы объявили войну колрешитам и выступили под норронским командованием, оплатили кампанию и… Ну уж нет!

— Но если уж войны все равно не избежать, — заметил Чилонго, — то лучше обзавестись хотя бы одним союзником…

— Неужели Земля так изменилась за время, что я отсутствовал? — спросил изумленный Ундума. — Неужто наш народ согласится на это… это вымогательство… и позволит волосатым варварам диктовать нам условия и командовать нашей внешней политикой… Почему бы еще до вступления в войну нам самим не опубликовать декларацию и не объявить любые посягательства на наши права неконституционными! И нецивилизованными!

Казалось, Чилонго несколько смутился.

— Вы меня не так поняли, — ответил он. — Я вовсе не собираюсь идти у них на поводу. Уж лучше, по правде говоря, честно потерпеть поражение в бою. Я лишь предлагал поторговаться…

— Попробовать, конечно, можно, — скептически заметил Ундума. — Только что-то я никогда не слышал, чтобы Ганс Руш шел на уступки — разве что приставить ему к виску пистолет.

Лефарж закурил сигару, выпустил клуб дыма и сделал очередной глоток из бокала.

— Честно говоря, я очень сомневаюсь, чтобы союз с колрешитами понравился его собственному народу, — в раздумье сказал министр.

— Это уж точно! — согласился Ундума. — Но народ смирится, куда ему деваться!

— Послушайте! А нельзя ли попытаться свергнуть Руша… или даже его убить?

— Об этом не может быть и речи. Сейчас объясню. По рождению Руш всего лишь захудалый аристократ, но во время последней войны с колрешитами он дослужился до высокого чина и приобрел популярность среди многих молодых офицеров, некоторые из них даже фанатично ему преданы. В последние несколько лет, после гибели короля, Руш стал диктатором. На все ключевые посты он расставил своих людей — жестких, способных и не задающих лишних вопросов. Все восхищаются Рушем и преклоняются перед ним. Однако не обольщайтесь: этот человек не страдает манией величия и избегает публичности, так что его власть не связана какими-либо обязательствами. Это можно видеть по тому, что все его сородичи уже осведомлены о вероятном союзе с колрешитами, но, хотя всем одинаково

ненавистна сама эта идея, никто не высказал даже слова критики в адрес Руша лично. Стоит ему отдать приказ, и все послушно погрузятся на колрешитские корабли и отправятся крушить Землю, которую в глубине души любят.

— Это заставляет меня вспомнить древние мифы о воплотившемся дьяволе, — прошептал Чилонго.

— Однако такое уже бывало на Земле, позвольте вам напомнить, — ответил Ундума.

— М-м? — выпрямился Лефарж.

Посол печально улыбнулся.

— Исторические примеры, — сказал он, — сейчас не имеют никакого практического значения. Сознание того, что мы не единственные, кого предали, — довольно слабое утешение.

— О чем вы? — спросил Чилонго.

— Давайте дадим астрополитическую оценку сложившегося положения, — предложил Ундума. — Владения Колреша находятся в созвездии Полариса и поблизости от него, колрешиты с давних пор истребляли там отсталых местных жителей. Затем они развернули экспансию против богатых планет, заселенных людьми. Норстад как раз оказался на их пути и потому подвергся нападению первым — и остановил их. С тех пор

эта война затянулась на восемьсот лет. Конечно, время от времени колрешиты пытались обойти Норстад с флангов и захватывали какую-нибудь планету на западе Галактики или устраивали набег на другую планету на севере, воевали на юге или заключали временный союз на востоке. Но это никогда не выливалось во что-либо значительное. Подобное просто невозможно, поскольку Норстад лежит на прямой линии, соединяющей сердце Колреша и центр цивилизации. Если Колреш действительно обойдет Норстад, норроны могут нанести удар — и, уверяю, так они и сделают — им с тыла. Иными словами, несмотря на то, что межзвездное пространство огромно и имеет три измерения, Норстад охраняет северные подступы цивилизации.

Посол остановился и сделал глоток. Напиток был прохладным и приятным на вкус — настоящее блаженство после бурды, которую ему приходилось пить на окраинах.

— Хм, мне как-то не приходило в голову посмотреть на это под таким углом зрения, — признал Лефарж. — Я всегда считал, что это просто борьба между двумя варварами, которая и ведется по варварским законам.

— О, так оно и есть на самом деле, — согласился

Ундума, — но фактически Норстад всегда служил прикрытием для Земли. А теперь вспомните нашу раннюю историю — между прочим, Руш знает ее просто великолепно, что, кстати, побудило и меня тоже обратиться к этому предмету.

Так вот, история Земли показывает, что подобное частенько случалось в прошлом. Небольшое и не слишком развитое государство, расположенное где-нибудь на задворках цивилизации, сдерживает врагов, а за его спиной процветают действительно развитые страны. Так Ассирия в свое время прикрывала Месопотамию, Рим защищал Грецию, лорды Уэльса — Англию, тюркские народы с Амударьи — Персию, Пруссия блокировала попытки нападения на Западную Европу… о, я могу привести много подобных примеров. Всегда существовали немного отсталые нации, принимавшие на себя удар врагов на дальних подступах, не пропускавшие дикарей в цивилизованные страны.

Посол перевел дух.

— И что с того? — спросил Чилонго.

— Конечно, страдания изматывают народ, — пожал плечами Ундума. — Он становится озлобленным. Жители приграничных областей империи Карла Великого в ходе беспрестанных битв ста-

новились воинственными, грубыми феодалами, страной управляло абсолютистское правительство с милитаристами во главе. Никто не любил их — ни варвары, ни цивилизованные народы. В конце концов эти воины тоже обращали свое оружие внутрь цивилизации. Со временем их воинские навыки и сила устремляются на завоевание богатой добычи, вместо того чтобы без конца отражать натиск вечно возвращавшихся варваров. Так Ассирия поглотила Вавилон, Рим завоевал Грецию, Перси восстал против короля Генриха, Тимур разбил Баязида, Пруссия напала на Францию…

— А Норстад-Остарик нацелились на Землю, — закончил за посла Лефарж.

— Вот именно. И нет ничего нового в том, что пограничное государство заключает союз с племенами, с которыми оно так долго воевало. Например, Перси и Оуэн Глендоуэр… хотя означенные полководцы были все-таки ближе друг другу по духу, чем Ганс Руш и Клерак Белуг.

— Но что же нам делать? — вздохнул Чилонго, вскинув глаза к голубому небу Земли, с которого вот уже тысячу лет не падали бомбы.

Затем он встрепенулся, вскочил и резко повернулся к собеседникам.

— Простите, джентльмены, — сказал он. — Известие застало меня врасплох, и потому мне нужно время, чтобы подробнее изучить этот норронский протокол и как следует все обдумать. Если ваши соображения верны, — поклонился он послу, — как я и предполагаю…

— Что тогда? — спросил Ундума.

— Тогда у нас, похоже, есть еще несколько месяцев до того, как начнут разворачиваться неприятные события. Мы можем затеять переговоры и выиграть время. Как-никак, у нас все-таки самый развитой промышленный комплекс во Вселенной и четыре миллиарда граждан, которые, разумеется, еще не лишились мужества. Мы укрепим наши вооруженные силы и, когда эти варвары сунутся к нам, просто вышвырнем их обратно в пещеры!

— Именно это я и надеялся услышать от вас, — со вздохом признался Ундума.

— А я надеюсь, что нам хватит на это времени, — хмуро добавил Лефарж. — Руш, надо полагать, не дурак. Наше перевооружение нельзя будет скрыть от общественности. Как только диктатор прознает об этом, он наверняка постарается немедленно скрепить свой союз с колрешитами и напасть на нас, пока мы не успели подгото-

виться.

— Нужно использовать и умело разжечь их взаимную подозрительность, — сказал Ундума. — Конечно, я должен вернуться туда и сделать все возможное, чтобы посеять разлад между потенциальными союзниками.

Посол на минуту умолк, а затем заметил, словно про себя:

— Пока мы полностью не завершим подготовку, нам остается лишь надеяться.

Мутация колрешитов была тонкой. Внешне она никак не проявлялась: физически это был красивый народ — белокожий и с золотистыми волосами. За столетия в их среду просочились тысячи норронских шпионов, и зачастую им удавалось вернуться на родину невредимыми. Однако работа их оказывалась непомерно сложной, и не потому, что приходилось приспосабливаться, а из-за того, что следовало преодолеть отвращение и практиковать каннибализм и еще худшие обычаи.

Мутация представляла собой психический сдвиг и, очевидно, затронула какой-то ген, связанный с развитием эндокринной системы. Описать ее было чрезвычайно трудно — любое категоричное суждение неизбежно требовалось

сопровождать рядом исключений и ограничений. Но одним из главных признаков поведенческого проявления мутации являлась доведенная до крайности ксенофобия. Для Homo sapiens вполне обычно держаться в стороне от чужаков, пока не установится определенный уровень bona fides.[2] Для человека вида Homo kolreshi нормой считалось ненавидеть чужаков с первого взгляда и уничтожать их.

Обычно такого рода инстинкт ведет к близкородственному скрещиванию и снижению плодовитости, однако систематическое уничтожение уродов может поддерживать сильный генофонд. Ксенофобия вызывает Также стремление к незыблемому порядку в государстве и склонность к бродяжничеству, когда планета превращается в пиратскую базу, точно бедуинский оазис, родной, но редко посещаемый. Среди других особенностей поведения колрешитов были культ тайны и жестокости, отправление мерзких религиозных обрядов и провозглашение конечной цели их нации: завоевать доступную часть Вселенной и истребить все прочие расы.

Конечно, не все было так просто и очевидно.

---

[2] Примечания: 2
Доверие (лат.).

В своей среде колрешиты, несомненно, не чуждались нежности и верности. А посещая другие планеты — из числа тех, что пока не рассматривались ими в качестве объекта нападения, — они вели себя вежливо и в оправдание своей агрессии приводили тот довод, что якобы вынуждены защищаться от вероломных нападений других, и надо сказать, что многие находили это объяснение правдоподобным. Даже враги преклонялись перед личным мужеством и героизмом этого народа.

Тем не менее мало кто огорчился бы, если бы однажды дождливой ночью всех колрешитов поглотил великий потоп.

Ганс фон Тома Руш подрулил на своем спидстере к горбатому военному кораблю, который располагался на расстоянии одного солнечного года от местного солнца и словно парил посреди ледяного вакуума. Координаты корабля были тайно переданы маркграфу вместе с приглашением, по форме скорее напоминавшим вызов.

Спидстер скользнул к люльке, находящейся под дулами пушек, способных разнести на части Луну, и специальный механизм опустил его на палубу. Руш вступил в приемную камеру корабля — помещение с высоким потолком, освещенное

холодным светом. Там его приветствовал одетый в красное гвардеец почетного караула.

Маркграф, высокий мужчина в черной, расшитой серебром униформе, не спеша шагал навстречу одетому в красную тунику главнокомандующему Колреша Клераку Белугу. Хозяин ожидал гостя с нетерпением. Каюту охраняли скрытые в стенах пушки.

Руш щелкнул каблуками.

— Добрый день, ваша честь, — сказал он.

В помещении раздалось слабое эхо. По какой-то причине колрешиты любили подобный эффект и всегда встраивали в стены резонаторы.

Белуг, стареющий гигант, на голову выше маркграфа ростом, вскинул косматые брови.

— Вы прибыли один, ваша светлость? — спросил он по-норронски с ужасным акцентом. — Мы полагали, что вас будет сопровождать личный телохранитель.

Руш пожал плечами.

— В целях безопасности мне пришлось бы лететь к вам на персональном крейсере, — ответил он на беглом колрешитском, — так что я решил просто довериться вам. Полагаю, что вы прекрасно понимаете: причиненный мне вред немедленно спровоцирует объявление войны.

Широкое львиное лицо главнокомандующего расплылось в улыбке.

— Мои уполномоченные не ошиблись в вас, ваша светлость. Думаю, с вами можно иметь дело. Прошу.

Главнокомандующий повернулся и направился в недра корабля. Руш шел следом в окружении гвардейцев со штыками. Он тоже держал руку на рукояти оружия, хотя в данных обстоятельствах подобная предосторожность была совершенно бессмысленной.

По пути маркграф размышлял. Он отдавал себе ясный отчет в том, что события вот-вот достигнут кульминации. Уже целый год тянулись секретные переговоры, отягощавшиеся взаимными подозрениями. Теперь осталось всего два разногласия, зато настолько важные, что для их обсуждения понадобилась личная встреча двух диктаторов. Высокомерное приглашение исходило от Белуга.

И вот Руш прибыл в стан бывшего противника. Наверняка, узнав об этом, все прежние короли Норстада просто в гробах перевернулись.

Компания вошла в небольшую, но роскошно обставленную каюту. Тут были традиционные роботы-переводчики, роботы-референты, а также

гвардейцы, но можно считать, что главнокомандующий и маркграф фактически остались наедине.

Белуг грузно опустился в кресло.

— Трубку? Желаете чего-нибудь выпить? — спросил он.

— У меня есть с собой, благодарю, — ответил Руш и достал трубку и фляжку.

— Как дипломатично, — проворчал Белуг.

Маркграф рассмеялся:

— Я всегда знал, что ваша честь не слишком придерживается утонченных цивилизованных манер. Полагаю, не ошибусь, если скажу, что мы с вами оба склонны переходить прямо к делу.

Главнокомандующий щелкнул пальцами. Кто-то или что-то скользнуло в каюту с бокалом вина. Белуг сначала сделал глоток, а потом уж ответил:

— Согласен. Дело прежде всего. Нам следует достичь приемлемого соглашения, на основе которого наши подчиненные составят письменный договор. Но мне кажется странным, сэр, что после стольких проволочек вы вдруг проявляете такое рвение, чтобы поскорее завершить наши дела.

— Ничего странного, — сказал Руш. — Земля перевооружается. Это длится вот уже год. Мы по-

ка по-прежнему можем разбить ее, но еще через полгода это уже будет невыполнимой задачей. Если дать ее заводам-автоматам еще шесть месяцев, то земляне уничтожат нас!

— Но для вас не секрет, что с тех пор, как к вам в прошлом году вернулся посол Земной Федерации — как там его, кажется, Ундума? — он только и делал, что старался выиграть время.

— Это правда, — ответил Руш. — Он сперва выступал с предложениями, а потом начинал торговаться, всячески стараясь отвлечь наше внимание красивыми жестами. Но эта его тактика не сработала. Откровенно говоря, ваша честь, в проволочках виноваты вы сами. Кто настаивал, что Земля должна непременно стать колрешитским владением?..

— Милорд! — взорвался Белуг. — Да как вы смеете меня в этом обвинять? Не забывайте, что вы сами шесть недель рассматривали этот вопрос, а потом выдвинули совершенно противоположные по смыслу предложения, что все — и добыча, и территория — должно достаться вам... Да если бы Королевство Двух Планет действительно было настроено на сотрудничество, мы бы достигли компромисса всего за какой-нибудь месяц!

— Пусть будет так, — уступил Руш. — Все это

уже в прошлом. Теперь осталось только решить вопросы о доставке войск и о пленных, и тогда мы придем к согласию.

Клерак Белуг нахмурил брови и потер огромной ручищей подбородок.

— Честно говоря, и мне самому, и моим офицерам флота ваше требование непонятно. Мы предоставляем вашим людям обычный транспорт, об особом комфорте, разумеется, тут говорить не приходится, но он более подходящий для подобной задачи, чем… чем те корабли, на которых настаиваете вы. Вы что, не понимаете? Транспорт нужен для доставки людей и грузов, а линейные корабли используются в бою или для конвоя. Не путайте различные функции!

— Я прекрасно все понимаю, ваша честь, — ответил Руш. — Максимально возможное число моих солдат собираются в поход на обычных военных кораблях, предоставляемых Колрешем, и на судах так же предусмотрено присутствие обслуживающего персонала от Королевства Двух Планет.

Белуг схватился за бокал, точно собираясь раздавить его.

— Но… Почему? — взревел он.

— Мои уполномоченные уже объясняли это

вам сотню раз, — с упреком ответил Руш. — По правде говоря, я вам просто не доверяю. Если… допустим, между нами возникнет какое-либо недоразумение, пока армада будет в пути… Транспортный корабль можно легко вывести из строя: конвойный корабль в состоянии взорвать его. Боевой флот Колреша мог бы послужить для нас залогом вашей верности. — Маркграф раскурил трубку. — Естественно, вы не сможете разместить пятидесятимиллионный экспедиционный корпус в военных кораблях, но я хочу, чтобы солдаты летели на каждом военном судне, а не только на транспортах.

Белуг покачал рыжей головой и сказал:

— Нет.

— Да бросьте же, — продолжил Руш. — Ваши шпионы неплохо поработали как на Норстаде, так и на Остарике. Разве вы обнаружили хотя бы какой-то повод сомневаться в моих намерениях? Прошу учесть, что армию такого размера просто невозможно поднять по тревоге без того, чтобы отдать приказы одновременно многим людям…

— Да, конечно, согласен, — проворчал Белуг. И главнокомандующий слегка улыбнулся. — Но последнее слово все же за мной, ваша светлость. Я вполне могу отложить нападение на Землю на

неопределенное время, а вы — нет.

— Что? — Руш запыхтел трубкой.

— В конечном счете даже диктаторы опираются на поддержку народа. Разведка донесла мне, что вы быстро теряете популярность. Королева вот уже год не разговаривает с вами, верно? А многие норроны в первую очередь хранят верность короне. Когда впервые пошли слухи о возможной войне против Земли, ваши соотечественники не сразу осознали, во что это может вылиться, но затем, когда вы развернули пропаганду против землян, люди озлобились. Они уже поносят вас в барах и офицерских клубах и даже перешептываются в министерских кулуарах. Мои агенты собрали соответствующие сведения. Только молодые кадровые офицеры еще безоговорочно верны вам. Если недовольство народа продолжит расти, возможен мятеж, и тогда ваших сторонников повесят на фонарях. Так что дальше вам откладывать уже некуда.

Руш не торопился с ответом. Потом он выпрямил спину, и стекло монокля блеснуло, как льдинка.

— Я всегда могу отказаться от этого плана и восстановить статус-кво, — бросил он.

Белуг побагровел.

— Опять война с Колрешем? Вам потребуются длительная перестройка и реорганизация.

— Ничего подобного. В нашей военной академии, как и в любой другой, разрабатывают планы военных кампаний с учетом всевозможных вариантов развития событий. Если я не договорюсь с вами, вступит в силу «План номер такой-то». И он, поверьте, вполне может стать весьма популярным!

Устремив на главнокомандующего сверлящий взгляд, холодным тоном маркграф добавил:

— Ведь что ни говорите, ваша честь, а я бы предпочел войну не с Землей, а с вами. И только травля вас собаками доставила бы мне большее удовольствие. Однако за семьсот лет мы убедились, что одолеть Колреш невозможно. И я начал переговоры, открыв дьявольский торг — если вас победить нельзя, тогда нам лучше присоединиться к вашей военно-имперской политике, к обоюдной выгоде. Но поскольку сейчас ваше упрямство препятствует заключению соглашения, я вполне могу объявить вам войну, как обычно. Выбор за вами.

Белуг сглотнул слюну. Даже его телохранители частично потеряли хладнокровие. Разве в таком тоне разговаривают за столом переговоров?

Наконец он процедил сквозь зубы:

— Я ценю вашу откровенность, ваша светлость. Когда-нибудь мы еще побеседуем об этом более подробно. А сейчас… да, я вас понимаю. Я готов принять часть ваших солдат на наши военные линейные суда.

Белуг сидел неподвижно, точно каменная статуя.

— А теперь о возврате военнопленных. Мы никогда не шли на подобные меры, поэтому я не стану даже обещать.

— А я не могу позволить, чтобы несчастные норроны продолжали шить на ваших полях, — ответил Руш. — Я прекрасно осведомлен о том, как там с ними обращаются. Если мы станем союзниками, я хочу, чтобы вы вернули тех пленных, кто еще жив.

— Но немногие из них в своем уме, — осторожно заметил Белуг.

Руш выпустил колечко дыма и промолчал.

— Если я пошел вам навстречу, — сказал Белуг, — то имею полное право так же требовать со своей стороны гарантий. Мы оставим ваших пленных в качестве заложников.

Лицо Руша вдруг побледнело, но осталось непроницаемым. В каюте повисла тишина.

— Что ж, прекрасно, — ответил маркграф после долгой паузы. — Пусть будет по-вашему.

Майор Откар Грааборг молча вел своих подчиненных в черный крейсер. Снаружи, с площадки космопорта, где полиция разгоняла улюлюкающую и свистящую толпу, доносился шум. Впервые за всю историю норроны бросали камни в своих солдат.

Люди майора тяжелой поступью шли за командиром по проходам и коридорам. Шлемы, вещмешки, оружие, стучащие ботинки и клацающие панцири — казалось, что все это само по себе, солдаты выглядели какими-то безликими.

Грааборг следовал за колрешитским мичманом, который с опаской оглядывался на бывших противников. Наконец они достигли отсека с сиденьями для пассажиров, наспех переоборудованного из грузового трюма. Здесь без особых удобств и в тесноте могла поместиться тысяча человек.

— Отлично, ребята, — сказал майор, когда за спиной провожатого захлопнулась дверь. — Устраивайтесь поудобнее.

Солдаты закопошились, раскрывая вещмешки, раскатывая матрацы на скамьях. А затем они развернули тяжелые пулеметы, гаубицы и даже

ядерный заряд.

— Эй, вы! — по трансляции раздался возмущенный голос, говоривший с акцентом. — Я ведь все вижу по видео. Вам не разрешено разворачивать здесь оружие.

Грааборг оторвал взгляд от атомного снаряда и посмотрел вверх.

— Ой, как вы нас напугали! — дурашливо ответил он. — А вы кто такой?

— Я дежурный офицер. И сейчас доложу капитану.

— Валяйте. Согласно полученному мной приказу, а также договору, в отведенных нам отсеках корабля мы подчиняемся только своим командирам. Так что если вашему капитану это не нравится, пусть придет к нам, мы ему все объясним.

И Грааборг проверил остроту штыка большим пальцем. Солдаты свистом поддержали заявление своего командира.

Колрешиты не стали лезть на рожон. Крейсер вышел в космос, где встретился с конвоируемым транспортом, а затем отправился в подпространство. Несколько дней норронские войска не покидали своих пристанищ, терпеливо перенося дорогу. Колрешиты диву давались, как люди

могли ютиться в такой духоте. Тем не менее, ни один пилот не появился в трюме; еду сюда доставлял прямо с камбуза специальный норронский взвод.

Грааборг бродил по кораблю. Он общался с командиром фон Брекка с Остарика. Этот офицер отвечал от Королевства Двух Планет за связь на этом корабле: в его подразделение входило несколько офицеров и старшин, размещенных где-то в другом месте. Они обсуждали, по мере необходимости, возникавшие вопросы с колрешитскими офицерами и даже рассматривали возможные планы операций, которые предстояло провести через месяц, когда крейсер должен был достичь Земли. Но от неформального общения воздерживались. И это вполне устраивало хозяев.

В действительности колрешиты даже боялись своих новых союзников. Космический пилот, безусловно, человек мужественный, но среди военных он считается «белой костью». Корабль содержится в порядке и чистоте, он должен быть удобен. Если же хоть что-то не в порядке, корабль быстро погибнет. Поэтому пилот должен уметь управляться с машинами огромной мощности.

Иное дело мускулистые и покрытые грязью

солдаты пехоты, привыкшие держать острое железо в голых руках, — они отличаются особо суровым нравом.

Прошло две недели. Майор Грааборг взглянул на свои наручные часы: пора. Несмотря на тесную казарму, он проводил обязательную ежедневную тренировку солдат.

— Смирно! — Команду майора один за другим повторили капитаны, лейтенанты, сержанты; огромная масса людей выстроилась в ровные ряды.

Майор Грааборг поднес к губам небольшой звуковой усилитель.

— Отлично, ребята, — непринужденно сказал он. — А теперь наденьте газовые маски и радиационные щиты, все оружие держать наготове. Мы начинаем зачистку корабля.

И первый бросил гранату в стену.

Безусловно, самые вымуштрованные солдаты во Вселенной, норроны растерялись только на секунду. Потом они воодушевились и радостно кинулись в бой.

Особо мощного сопротивления они не встретили, и Грааборг привлек к работе команду фон Брекка, способную управлять кораблем и вести бой в этот критический момент. Сна-

чала колрешиты были ошарашены, но затем они объединились и попытались организовать сопротивление. Грааборг оказался в затруднительном положении: тут он не мог руководить боем. Майор просто рассеял свои силы по судну, предоставив солдатам действовать по собственному усмотрению.

И его надежды оправдались, хотя к моменту, когда был расстрелян последний колрешит, корабль уже находился в жалком состоянии.

Сам Грааборг во время боя с удовольствием использовал свой острый штык.

Мкатзе Ундума вошел в приемную Чародейной башни.

— Вы посылали за мной, ваша светлость? — спросил он холодным тоном.

За окном свистел ледяной ветер.

— Да, садитесь, пожалуйста. У меня есть для вас новости.

Маркграф Ганс фон Тома Руш выглядел усталым.

— Что еще за новости? Две недели назад вы объявили Земле войну. Ваши войска еще даже не успели туда добраться. Или вы нашли способ, чтобы выслать меня домой? — спросил посол, нагнувшись над столом.

— Нет, ваше превосходительство, новости хорошие.

Руш включил телеэкран. На нем возникло изображение роботов и занятых чем-то молодых офицеров.

Затем на дисплее появилось лицо — молодое, живое, совсем не похожее на те тупые лица, какие Ундума привык видеть на этой планете.

— Центральный штаб. Ой, здравствуйте, ваша светлость! — браво выкрикнул офицер, опять же против обычных правил. — Мы захватили его! Только что доложили с «Бхеоки»… Он наш!

— Хм, хорошо. — Руш взглянул на Ундуму и пояснил: — «Бхеока» — это суперкрейсер, сопровождавший вторую штурмовую группу. Еще новости есть?

— Да, сэр. Он уже расстреливает те боевые единицы, которые нам не удалось захватить. Адмирал Сорренс считает, что через час вторая группа будет целиком под нашим контролем. Только что пришло донесение от третьей группы. Адмирал Гундруп убит в бою, но вице-адмирал Смитт уже принял командование и докладывает, что три четверти корабля — в наших руках. Он пока не открыл огонь, ждет, когда корабль будет захвачен целиком. И еще…

— Достаточно, — сказал Руш. — Я получу исчерпывающее донесение позднее. Напомните, что в ближайшие часы все решения командиры могут принимать на местах. Позже мы увидим общую картину и разработаем дальнейшую тактику. Если не произойдет никаких неожиданностей, через несколько часов я прибуду в штаб.

— Да, сэр. Сэр, я… я просто не могу выразить… — Можно было подумать, что молодой норрон обращался к Богу.

— Ладно, сынок, считай, что я тебя понял, — сказал Руш.

— А вы-то сами разобрались в том, что происходит? — спросил он Ундуму.

Посол сел. Казалось, ноги отказывались ему служить.

— Да что такое стряслось?

Голос посла тоже звучал не так, как обычно.

— Просто я наконец осуществил то, что задумал несколько лет назад, — ответил маркграф.

Затем он достал из письменного стола бутылку.

— Вот, ваше превосходительство. Думаю, сейчас нам обоим не помешает. Настоящее земное шотландское виски. Я берег его на этот день.

Однако на лице маркграфа не было заметно

особого восторга. Такое частенько бывает: когда наконец достигаешь цели, чувствуешь одну только усталость.

Ундума сделал глоток живительной жидкости.

— Так вы поняли или нет? — спросил Руш. — Семь столетий шла битва слона и кита, и ни нам, ни колрешитам не удавалось одержать верх над другим. Я пошел на этот союз против Земли только ради того, чтобы мои люди смогли подняться на борт их кораблей. Однако просто инсценировать подобное невозможно. Все должно было быть по-настоящему: соглашение, подготовка, пропаганда — все. Только горстка офицеров, людей, которым я безгранично доверяю… — Его голос дрогнул, и Ундума подумал о пленных, принесенных в жертву, о страшных стычках и о погибших в лабиринтах коридоров кораблей, о пушках норронов, стрелявших по колрешитским судам, о норронских подразделениях, которым не удалось захватить вражеские корабли… Тем временем маркграф продолжал: — Только немногим я смог все рассказать, да и то лишь в последний момент. В остальном я полагался на качества наших солдат. Они отличные ребята, все без исключения, и свободно ориентируются в сложных ситуациях. Особенно если им прикажут вступить

в бой с теми, кого они больше всего ненавидят.

Руш снова наполнил стаканы виски.

— Это нам дорого обойдется, — произнес он сдавленным голосом. — Несомненно, мы потеряем убитыми больше, чем за десять лет обычных боевых действий. Но, если бы я не пошел на это, война могла бы растянуться еще на семьсот лет. Что? Разве не так? А теперь мы уже перебили хребет колрешитского флота. У них еще осталось немало судов, так что, безусловно, угроза пока не устранена, но им нанесен серьезный урон. Я рассчитываю, что теперь Земля нам поможет. Вместе мы быстро покончим с колрешитами. Ведь Колреш объявил вам войну и хотел вас уничтожить. И даже без вашей помощи мы уже справимся сами, ведь теперь мощь их флота подорвана. Однако я надеюсь, что вы все-таки присоединитесь к нам.

— Я не знаю, — ответил Ундума. Он еще не привык к новой расстановке сил во Вселенной. Мы не столь уж… воинственны.

— Но вам придется стать такими, — сказал Руш. — Достаточно сильными, чтобы защищать свои интересы в области Полариса. Поларис — это важнейший рубеж.

— Да, — не сразу согласился Ундума. — Это так.

Я не уверен, что новость вызовет ликование на наших улицах, но… да, пожалуй, мы должны продолжить войну в качестве вашего союзника, в том числе и для того, чтобы предупредить вашу расправу с колрешитами. Видите ли, им надо дать шанс.

— Лично я в этом сильно сомневаюсь, — проворчал Руш. — Но, может, вы и правы. Во всяком случае, колрешитам следует запретить вооружаться. — Он поднял бровь и шутливо добавил: — Думаю, у нас тоже появится шанс, если вы пришлете к нам миротворческие миссии и психологов. Не сомневаюсь, что вы вынудите нас пойти на демилитаризацию и превратиться в мягкотелых демократов. Ладно, Ундума, высылайте своих цивилизованных миссионеров. Но позвольте мне выразить надежду, что я не доживу до тех пор, когда они закончат свою работу!

Землянин сдержанно кивнул. Ундума не мог обвинять Руша в вероломстве, грубости или самонадеянности — он был продуктом своего времени и своего народа. И все же для цивилизованного человека маркграф был не слишком приятной компанией.

— Я должен безотлагательно связаться с моим правительством, ваша светлость, порекомендо-

вать ему заключение нового союза. Условия этого союза мы обсудим позже, — сказал посол. — Я доложу вам о результатах переговоров, как только это станет возможно. Да, кстати… а где мне вас искать?

— Да я и сам толком не знаю. — Руш встал с кресла.

За его спиной чернела зимняя ночь.

— Я должен созвать заседание правительства и выступить с заявлением по телевидению, а потом отправиться в штаб и… Впрочем, нет! Черт с ним, это все может подождать! Если я вам понадоблюсь в ближайшие несколько часов, ищите меня в Зоргенлосе, на Остарике. И не будем терять времени!

Об авторе

Обладатель множества призов «Хьюго» и «Небьюла» Пол Андерсон написал после своего дебюта в фантастике в 1947 году десятки романов и сотни рассказов.

Его многотомная техноистория человечества в будущем, описывающая освоение галактики и возникновение межзвездной империи, охватывает пять тысяч лет и включает такие широко известные романы, как «Война крылатых лю-

дей», «День, когда они возвратились» и «Игра Империи». Андерсон разрабатывал многие темы, считающиеся классическими в научной фантастике, как то: эволюцию человека — роман «Волна мозга», космические путешествия со скоростью, близкой к скорости света, — «Тау-ноль» и парадоксы, возникающие при перемещении во времени, — сериал «Патруль времени». Одним из его наиболее популярных романов, в котором переплетены мифология и научная фантастика (контакты с инопланетными цивилизациями), является «Крестовый поход в небеса» («Крестоносцы космоса»), Андерсон пишет прекрасную фэнтезийную прозу («Три сердца и три льва», «Сломанный меч») и книги в жанре альтернативной фантастики, в которых за основу взяты произведения Шекспира. В 1978 году писатель получил мемориальную «Премию имени Толкина». Со своей женой Карен Пол Андерсон написал четыре романа в жанре фэнтези о короле Исе по мотивам кельтского фольклора. Вместе с Гордоном Диксоном он стал автором популярной юмористической серии «Хока». Рассказ «Зовите меня Джо» включен в 1974 году в «Зал Славы научной фантастики», а в совокупности все малые произведения писателя составляют несколько

томов, самые популярные из которых — «Царица воздуха и тьмы», «Все во вселенной едино» и «Лучшее из Пола Андерсона».